

Эдвард Дрифилд

Пыльный чердак

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Эдвард Дриффилд

Пыльный чердак

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Дриффилд Э.

Пыльный чердак / Э. Дриффилд — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Этот рассказ будет занимателен для тех, кто интересуется миром, но устал от общепринятых форм изложения сути. Это история молодого человека по имени Клим, повествование которой осуществляется в обратном порядке, что поэтапно меняет отношение читателя как к сюжету, так и к главному герою. Бар сменяется другим баром, диалоги закручивают размышления в клубы, а эмоции меняются вместе с настроением Клина. Кто сказал, что хаотичный абсурд не может объясниться постскриптумом? Вас приятно удивит финальная эмоция от прочитанного. Секрет вовсе не в игре сюжета и использовании шаблонов. Этот рассказ поможет вам разобраться в себе». почитай. не убудет. да прибудет.Содержит нецензурную брань.

Содержание

«Среда»	6
«Вторник»	7
«Понедельник»	9
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Эдвард Дриффилд

Пыльный чердак

КЛИМ

«Среда»

А это ведь действительно странно, – отозвалось эхом у Климa неделю спустя.

Он топал по улице, всматриваться в которую было крайне сложно: лица сливались с бордюрами, бордюры с облаками, а облака вызвали рвотный рефлекс. Фаталистические наклонности, которые служили отличным проводником в общении с окружающим миром, достигли апогея и, что не свойственно для такого рода личности, проявлялись они сейчас в позитивной форме. Было весело и смешно. Но, возможно, не от этого. И не всегда.

Он просто шёл. Шёл куда-то в неизвестном направлении. Шёл так, как никогда раньше не ходил. Та свобода мысли, которую он ощущал в моменте, буквально им управляла и помогала с навигацией. Вроде бы ещё на прошлой неделе, сидя у загаженного пеплом стола, он с товарищами познавал основную доктрину бытия, беседуя о последних научных исследованиях в области психологии и яро обсуждая тему восприятия человеком действительности. Подкрепляли они свои позиции отсылками к документальным работам определённых режиссёров или цитатами из древних вед, смакуя при этом шестнадцатилетний Лагавулин.

И вот, он уже идёт по Мясницкой улице с перевязанной рукой, в порванных тряпках, с каким-то пакетом и слегка сверкающими причиндалами. Все эти проходящие мимо киборги были весьма безучастны к жизни проходимца и исчезали за углом. Вполне себе здоровый славянин проплывал с высокоподнятой головой мимо посольства Франции и ловил на себе взгляды двух больших семей афроамериканской внешности, стоявших в лёгком оцепенении возле черных джипов марки «Toyota». Возможно, то, что он шёл босиком, привлекло их внимание, а возможно, это из-за того, что на нём толком не было одежды и его тело служило палитрой с размазанной кровью и грязью.

–Нет, ну как же ахуительно! – восторгался Клим, не успевая при этом сделать выдох, чем спровоцировал освобождение кровавой мокроты, мешавшей ему последние несколько часов.

Загадочное утро. Звонки, которые мерещились ему во сне, больше не поступали. Значит, всё тихо. Никто ничего не узнал. А ведь уже среда. Получается, что эта, повторяющаяся каждые семь раз мантра дауна-звездочёта, вновь достигла третьей фазы в цикле к заветным выходным. И это так же значит, что суммарно прошло уже пять дней с того мгновения, как Клим Артобалевский получил повышение на своей задрипанной офисной работёнке вместе с понижением качества, в общем-то, незаурядной, до этой среды, жизни.

«Вторник»

Утро вторника было холодным. Нельзя назвать прохладную погоду плохой. У неё нет плохих оттенков. Даже если и быть дотошным, то она и «холодной» не может быть по правилам русского языка, и уж тем более наречённой оттенками, придуманными муравьишками-людьми, которые заблуждаются насчёт своей значимости в экосистеме и распространяют свои эфемерные описания на глобальные вещи. И для чего? Чтобы назвать одно и то же разными словами? А ведь той самой погоде, в общем-то, фиолетово на то, замёрз ли бродяга в коробке из-под свеженького 65-дюймового Самсунга Премиум ЮЭШДи 4Ка Смарт ТВ восьмой серии или он ещё жив. С чтивом было скудно. Бесконтрольный сон мог напасть в любой момент и длиться вечность.

Дневное время вторника. Пора ланчей. Завербованные крыски выходят из норок с полной уверенностью в своей свободе. Они пестрят высокоинтеллектуальными заготовочками, лишь бы заполнить неудобное молчание. Если повезёт, то получится похвастаться перед коллегами. А потом они возгораются радиоактивным нарциссизмом и лелеют себя до окончания своего непомерно сложного и важного рабочего дня.

– Одни позеры! Повсюду образные позеры, которые являются лишь чьей-то проекцией! – Клим рассуждал вслух, но обращался не к суетной толпе, а в целом, к пространству. – Жалкие проекции чего-то большего, чем они являются! Всем заведует огромный энергетический маятник! Ему невозможно не подчиниться, его нельзя избежать, но можно ведь это осознавать и играть роль. Но играть роль и не понимать, что ты всего лишь актёр... Всего лишь актёришка! Актёришка, за которым стоит тот, кто читает сценарий. Ну, как это можно не понимать? Они думают, что нашли свой смысл, не замечая, что их организм уже кишит кольчатými глистами... бараны! В баране! Точнее, в его печени... и... Ими управляет и система, и глисты, да все, кому не лень! А они и рады. Вот, к чему привела эволюция. Вот, чего уже не спасти, не пытайтесь. Но посмейтесь хотя бы от этого всего. Уйдите со сцены с улыбкой! – Его внимание отвлёк свет уходящего солнца, местами пробивающегося через толщу серых облаков. Он ложился полотном на все предметы. Оживлённые куски мяса тут же начинали томиться и таять, извергая характерную вонь.

Осмотревшись вокруг, как пробудившаяся сомнамбула, Клим понял, что стоит на высокой скамейке в окружении толпы. Взгляд этих людей требовал чего-то. По крайней мере, ему так показалось, потому что он хотел было спуститься, но его остановил пожилой мужчина с мудрыми голубыми глазами и прошептал в расплывающейся улыбке: «Ещё! Пожалуйста! Ещё!».

Судя по всему, образовался некий провал в памяти, но настраивать нейронные сети никак не хотелось. И он продолжил ораторствовать со скамейки то, что, как ему казалось, было нужно публике:

Нет слов.

Нет боли.

Нет слабостей.

Нет ничего.

Нет больше мнимой воли.

Нет радости ни в чём.

Ответов нет.

Как нет вопросов.

Как нет ни бога,

Ни судьбы,

*Ни одинокой тьмы.
Решений нет.
Нет до и после.
Тропа от дома.
Догма.
Мы.*

Он спрыгнул со скамейки на руку. Его подняли. Локоть начал кровоточить. И, кажется, кто-то хотел помочь, но осознание этого пришло лишь по прошествии нескольких минут.

А путь простирался дальше. Вместе с литром сухого сидра из бара Ciderella.

В этот тёплый апрельский вечер московский пролетариат смешался с выхлопами золотой молодёжи и застрявшими в запое личностями. Клим отлично гармонировал со всеми декорациями, лавируя между скамеек на Никольской улице. Порой слегка отрывался от земли, как уставший гелевый шарик. В действительности же, его конкретно штормило. Поочерёдно обращая внимания то на вывески, то на парадные двери, его тело телепортировалось от одного к другому, от реальности к иллюзии, от людей к нелюдям, от себя к себе.

– Вы почему здесь? – возмутительно спросила женщина в белом пальто и советской стрижкой.

– Да потому, что всякая дичь и самые безбожные поступки в жизни в большинстве своём приводят к более радужному состоянию, чем иступленные коммерческие стремления. К более радужному!!! – Клим закричал на всю улицу, но ответил, скорее, сам себе.

– Послушайте, я хочу помочь... – Женщина не отпускала Клим из вида. Он остановился на секунду, и на лице его проступила эмоция неадекватной заинтересованности. – Но не буду... – продолжила она же и скрылась в толпе мельтешащих по проспекту людей.

Клим задумался о темпе этих протекающих потоков, продолжая стоять на месте. Подумал об индивидуальной важности каждого их маршрута. О том, что они все ощущают и видят себе подобных существ, но не обращают на них ни малейшего внимания, лишь просачиваются между ними, словно змеи меж деревьев.

«Понедельник»

Коробку от телевизора он заметил еще утром понедельника и, словно предсказывая дальнейшее времяпрепровождение, откинул её за мусорный бак возле мексиканской забегаловки под названием «Веладора», что около Старосадского переулка.

– Модным ребятам в носках она даже в глаза не бросится, а до территории агрессивных бомжей еще несколько кварталов. Главное, чтобы пузырьковая пленка осталась невредимой... и кому я всё это вещаю? – спрашивал голос изнутри, прорываясь наружу, – ну, себе и вещаю, – констатировало сознание брэнного тела, выкинув что-то наподобие смешка.

Такие переживания были осадочным сгустком на дне чана под названием «объективность», что, безусловно, играло важную роль в сохранении себя как вида, как живого существа и удерживало от подыхания в самое не романтичное время: время межсезонной мороси и алкогольных спасений человека от одиночества.

Лавируя по переулкам, словно вьетнамский партизан в джунглях, убитый бытом Клим познакомился с интереснейшей личностью, которую обнаружил за небольшим действующим собором 16 века.

Евдоким Андреевич был закоренелым бомжом, который рассказывал о смене уличных локаций с такими душещипательными подробностями, как будто цитировал свои мемуары про осень 92-го, когда переезжал из купленной на патриарших двушки в построенную в начале восьмидесятых однушку на боровицком холме. И район там оказался бандитским. Опять. Поменялись лишь имена и интеллектуальность высказываний вышибал. В общем, купал в историях.

Оказывается, во всей этой бомж тусовке прослеживается вполне конкретная кастовость. Он сам относил себя к воронцовским, (клан, обитавший на нижней Покровке) хотя, по его словам, там уже все подошли или намеренно отправились на последний забег в Бутырку.

Попасть именно в эту тюрьму было почётно, а сие действие нарекли «последним пристанищем перед молчаливой и безмятежной пустотой». Бутырка славилась внутренним режимом, в котором был даже тихий час. Все 'бывалые' гордились, какими тёмными слухами обрастал этот камерный городок. Каждый день осуществлялись общие прогулки по украшенному самодельным декором скверу, носившему неофициальное название «вишнёвый сад». Прогуливались по взводам. Затем расщеплялись на группы по два-три человека и наполняли собой всю территорию. Ежедневно назначался дежурный, одной из обязанностей которого было следить за организацией литературного собрания (в формате чаепития). Проходило оно в холле общей библиотеки сразу после стола информации, где восседал надзиратель-администратор. Наиприятнейшая особа. Имелся также музей доисторических пыток, который спонсировался государством, и небольшая галерея с репродукциями эпохи высокого и позднего возрождения. Имелось описание всех работ и отсылки к книгам, которыми располагала в обилии та самая библиотека столь не отдалённого места. Каждый месяц выставка менялась, чётко соблюдая историческую хронологию.

Сам старик больше котировал Матросскую Тишину, так как там познакомился со своей возлюбленной, там же с ней и расстался (вич). Но и друзья остались в Леффортовской. Да что там друзья, братья! Серёга Ефимов и Платон Пилявец, прямые родственники дворянского рода Воронцовых, между прочим.

Старик Андреич был невысокого роста с прямой осанкой и узкими ладонями рук. Его опустошённый взгляд, как у людей, говорящих по телефону, по-своему пленил и заинтересовывал, но в то же время раздражал в моменты, когда посланное ему высказывание отправлялось в тёмные глубины чертога и ты награждался холодным безразличием. Впалые щёки и острые скулы подчёркивали запущенную брутальность, а 1/3 бороды, которая имела рыжий

оттенок, демонстрировала «запущенность» во всей красе. Поверх огромной толстовки с надписью «DUB IS MORE», которая сразу бросилась Климу в глаза, на нём мешком висела армейская подкладка от бушлата, относившаяся к ДЮпиксельной реформе Юдашкина.

Целый день, проведённый с культурным бомжом, сопровождался пятилитровым сладким совињон бланом, а после тихого часа цедили водку, разведённую с сахаром, и обсасывали настоящую сутки в соевом соусе кость вчерашней баранины.

В общем-то, он не был похож на алкаша-примитивного, что обитали в преисподней около нижнего выхода Китай-города. Евдоким Андреевич начинал свои рассказы с фразы «это вот как если вспомнить...», а заканчивал «...да и что проку в этом сейчас?». Его голос усыплял и пробуждал.

– Евдоким Андреевич, вот хочу спросить у вас, – загадочно начал Клим, освежая бокал с Совињоном.

– Хоти, – оторвал старик. Настроение у него было задорное.

– Вполне возможно, что вы раньше были успешным человеком. Ну, в общих рамках понимания этого. Я имею в виду, что вы вполне себе вязались со всеми этими муравьями, взаимодействовали с ними, играли по правилам.

– Играл, играл, сынок... Все хотят в это поиграть, чтобы заполнить пустоту, которая обязательно образуется, когда улетаешь из гнезда. Всем одиноко. Всем это непривычно. – Евдоким Андреевич не хотел останавливаться, но задумался на полуслове, уставившись в небо, как обычно.

– Я это понимаю. Страх перед неизвестностью побуждает нас суетиться и действовать порой неразумно. Но скажите, вы довольны нынешним положением дел? Считаете ли вы, что это закончится и сменится чем-то другим? – Клим не был уверен, что он доступно изъяснился, но увидел новое положение взгляда старика. Понял, что его это заинтересовало.

– Отшельничество, – медленно начал Андреевич, – это та слабо выраженная форма дикарства, которую соглашается терпеть цивилизованное общество. Чем дольше мы скитаемся по свету, тем более мы одиноки. Поэтому в какой-то момент перестаёшь терзаться тем, что нужно вернуться на исходную после походов против шерсти. Улавливаешь это?

– Так точно, – Клим заинтересованно вдумывался и приставил руку к подбородку. Так лучше слушалось.

– Стало быть, остаётся убрать всё лишнее, что якобы является важным. После подобной чистки должно остаться ровно одно. Что-то одно, да... И не так, что сейчас одно, а другое ‘я потом пожажмаю’, нет. Одно раз и навсегда. Не могу ответить за других, но вот я выбрал свои мысли. Каждая из них проходит тщательную проверку, перед тем как я приму её на веру и положу в стопку сладостных умозаключений.

– И что вы с ними потом делаете? – Клим всё-таки хотел, чтобы диалог развивался по его намеченному курсу.

– Отхаркнешь поучительным изречением – станет легче, – старик обожал метафоры. И сразу было видно заранее, когда он готовит что-то этакое. – Волк находит утешение в вое, баран – в теплой шерсти, лес – в малиновке, женщина – в любви, философ же – в поучительном изречении.

– Гюго?

Евдоким Андреевич заулыбался дёснами.

– Верно. Он самый. То, что ты не глуп, лишь позволяет тебе понять быстрее, но не в этом фича.

Старик встал, поджог папиросу, сложил руки за спиной и медленно зашагал.

– Народ не заслуживает, чтобы его просвещали, ибо народ – это сборище безумцев обо-его пола, беспорядочная смесь возрастов, нравов, общественных положений. Чернь, которую мудрецы всех времен открыто презирали, сумасбродство и ярость которой справедливо нена-

видят даже самые умеренные из них. Стало быть, зачем и мне пытаться их изменить? История нам открыто демонстрирует, что жизнь человеческая слишком коротка, чтобы изменить путём убеждения в истинах остальных. Легче просто быть. Я вот знаю, теперь и ты знаешь. Нужно? Воспользуешься. Нет? – нет. Кому убудет? И лучше станет? Господи, да всем насрать...

Пока была выдержана пауза, Клим опрокинул вино и распаковал сахар.

– Мне интересны ваши мысли, Евдоким Андреич, правда. Сказать только по правде, нового я не узнал. Скорее, просто вспомнил и освежил уже известное. Меня тревожит чувство, когда слышишь свои же мысли, но из других уст. Сразу себя чувствую не бессмысленным организмом, а целой корневой системой, словно в грибнице. Ведь именно это осознание и разрешает естественное чувство одиночества и тоски. Не нужно искать отклики и доказательств, пытаться услышать о своей значимости и просить постоянно напоминать об этом. Увидеть целостность организма – вот что ценно. И лишь тогда можно просто жить. Без амбиций и излишнего потенциала. Дышать и взаимодействовать. Другой взгляд – удел фанатиков. Правда лишь одна и она такова. – Клим расцвёл и аналогично старику уставился в небо, расплываясь в улыбке.

– Продолжай, – скомандовал Евдоким Андреевич.

– Всякое существование похоже на письмо, смысл которого изменится постскриптумом. Даже те немногие, кто приходит к такому пониманию как, скажем, мы с вами, полжизни взбираются на гору, считая это истинной целью жизни. Повсюду пестрят предупреждения «Да не в этом суть!», но, двигаясь как зомби, мы ослеплены ментальностью, обычаями деревушки возле той самой горы, историями о том, как ‘у отца не получилось, а он всю жизнь на это потратил’, и прочими человеческими отвлечениями. Взбираемся на вершину, а бабочек в животе не ощущаем. Разглядываем бездну, в итоге срываемся, летим долго вниз. Потом, оказавшись на дне, смотрим опять вверх и говорим себе: «Так вот где я был, оказывается». И если человек боится внутренней пустоты, то, стремясь её избежать, он вновь заполняется планами о восхождении на гору. Если приходят переосмысления, то идёт в другую сторону. Но и в той стороне ещё раз пять повторяет то же самое, только меняя гору на озеро, на лес, на женщину. И лишь при крайнем произношении «Вот, значит, где я был» наконец-таки доходит, что это всё, в сущности, неважно. А кино уже вот-вот закончится. И второй части не будет.

Подул свежий ветерок, будто закрепил тем самым всё сказанное и унёс шлейфом за собой простые истины. И если ежегодно все монеты теряют одну четырёхсотую от своего объёма, а потом эта пыль носится в воздухе прахом, оседая на органах, на совести и в душе, то и комбинация колебаний, образуемая извилинами в сочетании с языковыми звуками, имеют шанс разнестись на тысячи и тысячи километров. И, в конечном счёте, глубоко проникнуть в одну одинокую капсулу, которой для понимания будет не хватать именно этого дуновения.

***

На углу Маросейки открылась большая деревянная дверь и в неё полным ходом влетел засмотревшийся на архитектуру Клим. Удар был конкретный, отчего испугался в первую очередь молодой человек, который выходил. Потом он увидел лежавшее у двери тело и только тогда понял, что произошло.

– Вы целы? – спросился он, помогая встать.

– А вы? – ответил Клим

– В целом, я цел. Но на асфальте лежите вы. – Его это развеселило.

Парень был невысокого роста. Одет как из черно-белого фильма про скрывающегося от плохих полицейских информатора, в очках, который ещё и вдобавок из высшего общества, но пытается скрыть это. Тонкий коричневый запахнутый плащ. Под ним виднелась рубашка с желтой бабочкой в горошек, сверху жилетка, которая сдавливала его как корсет в викториан-

скую эпоху. Брюки-подстрельши, лакированные туфли из кожи птеродактиля и завершал этот образ большой и аккуратно свёрнутый зонт, как у Пьер Ришара в «Уколе Зонтиком».

Клим поднялся на ноги и отряхнулся. Культурное соответствие полыхало во встречном взгляде, а расхождение в представленном друг перед другом виде послужило отправной точкой.

– Я собирался на встречу со старейшим другом, а он приверженец определённого стиля общения, знаете ли. – Клим поспешил уравнивать права на джентльменство в этой при дверной сцене.

– А позвольте я угощу вас пивом? Я, кстати, Аркадий. – Он протянул руку ещё раз, после того как они уже обменялись случайным рукопожатием, когда Клим вставал с тротуара. – Дело в том, что у меня сегодня праздник. И я как раз-таки выходил из этого паба, чтобы отправиться в следующий. Но мои сомнения насчёт смены локации были в пух разбиты вот этой самой дверью. А случайности – не случайны.

– Кто сможет отказаться от бокальчика светлого в вечернюю пору, а? Только, Аркадий, обозначьте на горизонте, а то это может вызвать некий диссонанс в нашем последующем досуге. Не пидарас ли вы, случаем? – достаточно уступчиво, будто зная ответ заранее, спросил Клим.

– Я? Нет, нет, исключено. Но ваше право было спросить, согласен, мой вид выбивается из толпы простолюдинов.

– Меня зовут Клим.

– Отлично, Клим, прошу! – Он указал в проём двери, где виднелась узкая лестница, достаточно круто ведущая вверх.

Лестница оказалась ещё больше, когда они начали по ней подниматься. Потолок был огромный, отчего образовалась такая же по размеру несущая стена, на которой висело множество картин с изображениями герцогинь, императоров и королевских семей. Освещение было приглушённое, а ступеньки слегка поскрипывали, распространяясь эхом по всему ветхому заведению. Посередине лестничного пути находился гардероб, в котором миловидный дедуля в красном пиджаке забрал у Аркадия пальто. Клим вежливо вручил ему пакет, в котором лежала литрушка разведённой с сахаром водки.

Поднявшись чуть выше, на первый этаж, если верить здешней навигации, они поднялись ещё выше, на второй. Хотя и на первом был вход в бар, откуда доносились джазовые аккомпанементы.

– Что это за место такое? – поинтересовался наконец-то Клим в дверях второго этажа.

– Легенда гласит, что раньше это был Ирландский банк, который после разрух и переводов стал пристанищем для тех, кто любит выпить и послушать джаз. И называется это место «Left Bank». По крайней мере, мне так рассказала хостес. Но есть подозрения, что она новенькая, и это всего лишь заученная речь, дабы та прошла стажировку. Но признаться, меня это мало интересовало.

Они сели за барную стойку и заказали по пинте «Affligem», которая была налита не по правилам бельгийцев в отношении этого пива. Это понимали два джентльмена, но не бармен. Не сговариваясь, лишь переглянувшись, было принято решение не нагнетать пойлониальвателя, так как выглядел он и без того уныло и пусто.

– И всё же, – начал Аркадий, – трудно испортить этот вкус, хоть из бочки пей, а...

– А штырит так же, – продолжил за ним Клим. – Да, это же «Affligem»! Каждый знает столько, сколько ему хотелось когда-то познать.

Они стукнулись бокалами и отпили по добротному глотку и не торопились сразу вытирать образовавшиеся усы.

– Вот ты всё сделал в жизни, что загадывал, ай? Я – нет, – начал неожиданно новый разговор Аркадий.

– Я вообще ничего не сделал, – чуть погодя, ответил Клим и отпил ещё. – И не делал. Всё само делается как-то. Я лишь наблюдаю за этим. Всё считается сделанным, не оттого ведь, что я это сделал, так ведь? Ты вот что-то сделал, а чего-то нет. И сделанное не от того сделанное, что ты его сделал, но от того, что ты делаешь, оно становится сделанным. Несделанное не от того несделанное, что ты его не сделал, а от того, что ты не сделал то, что нужно сделать, это, якобы, превратилось в несделанное, хотя при этом ты ничего не делал, так как же бездействие может привести к действию? Не вяжется, да ведь? Всё видно не потому, что оно видимо, а наоборот, всё видимо, как раз-таки оттого, что его видят. Поэтому какая, в сущности, разница, что ты сделал, а что нет? Мелочные вопросы, Аркаша. Не к твоему наряду.

Собеседник Климата тоже отпил глоток, оставаясь довольным ответом. Потом продолжил.

– Недолго мне осталось видеть и быть видимым, – напрашиваясь на вопрос об этом, сказал Аркадий.

– Неужто самоубийство? Хм. Это не глупо только в том случае, когда ты прижат двумя вариантами, но тот, что хуже, сковал тебя в цепи и кинул в заточение до судного дня. Вот там-то и можно поизощряться. Или, когда вроде в бане с друзьями, но на самом деле это замурованное помещение, построенное немцами, с нарастающей внутри температурой. Выбраться точно никак. Ложиться нет смысла, там не чувствуется холодный дух земляки, всё сжирает жар. Вот тоже можно начать оглядываться в поисках того спасения, которое не в выходе за дверь заключается. И то, надо проявить смекалку. В целом, глупая это затея, – безразлично закончил Клим.

– Нет, самоубийство – не мой конёк. Всё не так мрачно. Просто ошибку допустил. Скоро придётся отвечать. Не хочу тебя грузить этой темой, от меня и так дверью прилетело, – передумав рассказывать полную историю, пробубнил парень с жёлтой бабочкой. – Скажу лишь, что на мне груз какой-то, ай, знаешь, совесть задета, что ли. Взял смелость поступить так, а не вот так, а когда уже взялся и приступил к исполнению, задумался: «А не делаю ли я хуйню?». Ответ прилетел мгновенно.

– Недавно я шутку придумал, хочешь, расскажу? Может, она тебя спасёт в час расплаты за ошибки, – предложил Клим.

– О, это было бы замечательно, ай! Мне, конечно, не наскучило самого себя веселить, но порой ведь хочется разнообразия.

– Только знай, это, скорее, рассуждение о структуре шутки, нежели набор слов, которые пощекочут абсурдом твои полушария, вызвав смех.

– Чудно, чудно. Ещё по пивку? – бегло поинтересовался Аркаша

– Только на этот раз...

– Харпа, ага? С ним трудно ошибиться в наливке.

– Отлично.

Бармен будто догадывался о том, что не вывозит сервис, и поспешил наливать пиво в заведомо охлаждённый бокал, сменил картонные подставки под пиво на кожаные, узорчатые и выставил на стойку две небольшие мисочки с орешками.

– Размышлял я как-то о том, какое обзывательство будет априори обиднее, чем то, коим тебя окатили. – Клим повернулся вполборота к Кеше. – Можно придумывать изошрённые ругательные слова, но рано или поздно они закончатся, и кто-то останется без стула, как говорится. И решил я, что обидней всего будет назвать оппонента так же, как и он тебя, дополнив это местоимением «ты». Давай попробуем, обзови меня как-нибудь, ну же...

– Эм, идиот, – робко проговорил Аркадий.

– Аркаш, ну, 'идиот' в древней Греции был затворник общества, разве это обидно? Давай, грубее, да с матершинкой, ну!

– Хорошо, – он поразмышлял пару мгновений, – говноед!

– Ты говноед, – быстро ответил Клим, слегка приподняв уголок рта.

– Интересный эффект производит. А можно я попробую?

– Ослоёб, – без замедления бросил Клим

– Ты ослоёб!

– Хорошо, но только больше делай упор на «ты». Дабы сказать всей своей безмятежностью: «Ты хотел назвать меня глупцом, но я вот тут разузнал, что это ты, оказывается, глупец». Что-то в этом роде.

– Понятно. И вправду интересно, – Аркадий улыбнулся и прокрутил в голове сцены, когда будет использовать этот приём.

– А дальше, с одним моим знакомым мы усовершенствовали эту вещь. Нужно обратить ответ в вопрос и перед предложением поставить «А может...». Давай, обзови меня.

– Пидор!

– А может, это ты пидор? М? – На этот раз у Клима лицо не изменилось.

Аркаша рассмеялся.

– Вот это вообще круто! Давай теперь ты, – ликовал Аркадий.

– Пиздоглазое мудоёбище! – скороговоркой кинул Клим.

– Ха! А может, это ты пиздоглазое мудоёбище, а? Не думал об этом?

– О, импровизируешь, это хорошо, мне нравится. – После похвалы Клима они стукнулись бокалами и жадно отхлебнули. Ощущался дух праздника.

– Так ты представь, – начал Клим, – эта шутка распространилась как вирус. От парня к девушке, от бармена к барыге, от бабули к внуку, и все её не воспринимали всерьёз поначалу, а потом поняли, что в голове осело глубоко. Как песня навязчивая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.